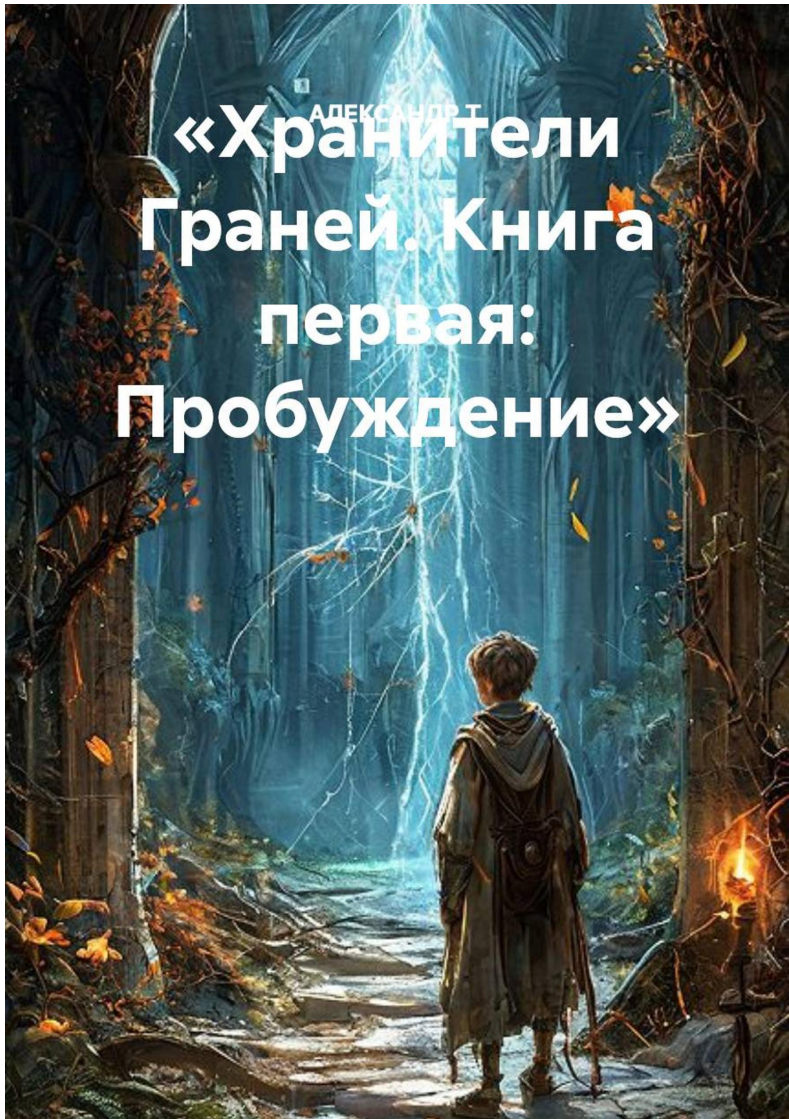

АЛЕКСАНДР Т

«Хранители Граней. Книга первая: Пробуждение»

АЛЕКСАНДР Т.

«Хранители Граней. Книга первая: Пробуждение»

<https://litres.ru/74313143>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лео с детства видел скрытую реальность: живые тени, светящиеся нити и странных существ. Но с возрастом дар исчез, и он убедил себя, что это было воображением. Всё меняется, когда в комнате появляются семь загадочных царапин — и воспоминания возвращаются. Лео узнаёт, что в параллельном мире живёт Кай, никогда не терявший дара. Они — две половины целого, потомки Хранителей Граней, чья память стёрта врагами.

Им предстоит столкнуться с тёмными сущностями, разрывами миров и древним злом. Но главное испытание: оба влюблены в Алису, которую нужно спасти от похитителей, охотящихся на последних Хранителей.

Смогут ли Лео и Кай преодолеть соперничество и тьму в разумах? Раскроют ли тайну происхождения, чтобы спасти все миры? Что ждёт их за гранью реальности?

Это история о дружбе, любви и магии, о поиске себя после потери памяти и о защите дорогого любой ценой. Добро

пожаловать в мир нитей, теней и Хранителей Граней. Путь начинается.

Содержание

ГЛАВА 1. ШЕПОТ ПУСТОТЫ	5
ГЛАВА 2. СТЕКЛЯННЫЙ ГОРОД	11
ГЛАВА 3. ТРЕЩИНА В СТЕКЛЕ	17
ГЛАВА 4. НИТЬ НАТЯГИВАЕТСЯ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

«Хранители Граний. Книга первая: Пробуждение»

ГЛАВА 1. ШЕПОТ ПУСТОТЫ

В комнате Лео всегда было слишком тихо. Не в смысле отсутствия звуков — за окном грохотали трамваи, внизу на кухне шипела кофеварка, а в коридоре скрипели половицы под ногами вечно спешащей матери. Тишина была другой. Она была *внутри*. Это та самая тишина, которая наступает за секунду до того, как лопнет перегоревшая лампочка, или когда в пустой квартире внезапно звонит телефон.

Лео знал, что мир не ограничивается тем, что видят глаза. В детстве он был в этом абсолютно уверен. Кто-то называет это воображением, кто-то — игрой света, а кто-то — детскими страхами. Но Лео помнил. Он помнил их.

Аморфные.

Так он окрестил их про себя, когда ему было пять, и это слово прилипло к ним, как мокрый лист к стеклу. Они были везде. Они текли по углам комнат, как дым, застывший в неправильной, вязкой форме. Они не имели цвета, но казались *чуть темнее* темноты, и когда Лео смотрел на них, ему казалось, что он видит край своего периферического зрения.

Они не нападали и не угрожали. Они просто *были*. Наблю-
дали. Скользили вдоль стен, пульсируя, как студенистые ме-
дузы в воздушном океане.

— Не ходи туда, — шептал маленький Лео, глядя на тем-
ный проем кладовки. — Там они.

Мать, закатывая глаза, включала свет и показывала пу-
стые коробки. Отец, высокий сутулый мужчина с вечно
уставшими глазами, говорил: «Сына, это тени, просто тени». Но Лео знал правду. Тени вели себя предсказуемо. Они дви-
гались за источником света. Эти же создания могли стоять
неподвижно, даже если солнце светило им прямо в лицо.

В шесть лет Лео понял, что он *особенный*. Он мог, за-
крыв глаза, сказать, какая именно «туманность» забилась в
угол за шкафом — та, что похожа на скомканную простыню,
или та, что искрится на стыке стен, как остывающий пепел.
Его бабушка, которая приезжала раз в год, испуганно кре-
стилась, когда малыш говорил: «А у дедушки за спиной си-
дит прозрачный друг. Он грустный».

Дедушка тогда засмеялся, но смех вышел нервным. После
этого он долго смотрел на свои старые фотографии.

Это было даром. Или проклятием. Лео не знал. Он знал
только, что мир взрослых был слишком громким и слишком
ярким, чтобы видеть то, что скрыто в спектре. Они не видели
их, потому что разучились смотреть *мимо*.

Всё изменилось в один день, когда Лео исполнилось де-
вять.

Был дождливый вторник. Лео сидел на подоконнике и смотрел, как серая пелена за окном смешивается с потоками машин. Он заметил одно из созданий — огромное, расплывчатое пятно, которое висело над крышей соседнего дома. Оно не двигалось. Оно просто... ждало. Лео прищурился, пытаясь разглядеть в нём контуры, как вдруг осознал одну пугающую вещь: пятно не было «чуть темнее» фона. Оно стало тусклым, серым. Почти прозрачным.

— Ты таешь, — прошептал он.

В тот же миг в комнату вбежал отец с криком: «Лео! Ты опять смотришь в одну точку? Иди обедать!». Голос отца, резкий и металлический, врезался в тишину, как топор в дерево. Лео вздрогнул и обернулся.

Он снова посмотрел в окно.

Пятно исчезло. Оно просто *испарилось*, оставив после себя лишь мокрое стекло и смазанные огни города.

И тогда Лео впервые заметил, как реальность начинает давить на него. Мир взрослых врывался в его мир все настойчивее. Школа, цифры, буквы, правила, расписание — всё это требовало внимания, и для Аморфных просто не оставалось места.

В одиннадцать он заставлял себя смотреть на них, но видел лишь абстрактные пятна. В тринадцать — лишь блики света на пыльных поверхностях. А к пятнадцати Лео окончательно понял: он ослеп. Тот самый уникальный орган в его мозгу, который позволял видеть «изнанку мира», атрофиро-

вался.

Его не покидало чувство, будто он потерял какой-то важный орган, о существовании которого даже не подозревал. Как будто у него удалили третье легкое, и теперь ему вечно не хватало воздуха, хотя он дышал полной грудью. Мир стал плоским. Безжизненным. Обычным.

Сейчас, в свои семнадцать, Лео сидел в своей комнате и смотрел на стену. Он делал это часто. Просто смотрел, выискивая в ворсинках обоев те самые знакомые переливы. Но там была только скучная бежевая поверхность.

Он вздохнул и потер переносицу.

— Привет, — тихо сказал он в пустоту. — Ты там?

Никто не ответил. Даже скрипа половиц не было.

Лео знал, что он больше не ребенок. Значит, он должен был повзрослеть. Но где-то в глубине души, под слоями школьной зубрежки, баскетбольных тренировок и подростковых обид, жила жестокая мысль: он не потерял дар. Дар потерял его. Или, что ещё хуже, Аморфные просто решили больше не показываться ему.

Потому что, возможно, они *всегда* были лишь отражением его собственного детского восприятия мира. И когда детство закончилось, они исчезли, как исчезает пар над остывшей кружкой чая.

Но именно сегодня, когда часы на стене пробили полночь, Лео показалось, что в углу, за его письменным столом, что-

то шевельнулось.

Он замер. Сердце пропустило удар.

— Нет, — прошептал он, впиваясь взглядом в темноту.

— Не может быть.

Это было крошечное движение, почти незаметное. Лео моргнул. Пятно исчезло. Он встал, подошёл к столу и заглянул за него.

Там была только стена и пыльный плинтус.

— Показалось, — выдохнул Лео, разочарованно и в то же время с облегчением.

Он уже хотел отвернуться, как вдруг заметил нечто странное. На белой краске стены, на уровне его глаз, красовалась тонкая, как паутинка, царапина. Ровно семь штрихов. Будто кто-то, невидимый, оставил для него сообщение.

Лео провел пальцем по царапинам. Они были теплыми.

На миг его кожа покрылась мурашками. Он почувствовал то, чего не чувствовал целых восемь лет: чей-то взгляд. Тяжелый, внимательный, древний. Он резко обернулся, но в комнате было пусто.

Однако в наступившей тишине, где-то на границе восприятия, Лео слышал звук. Едва уловимый. Похожий на шелест сухих листьев, разносимый ветром.

Или на шёпот.

— Кто здесь? — спросил Лео, и его голос прозвучал хрипло, словно он долго молчал.

Ответа не последовало. Только вентиляция на кухне загу-

дела, заглушая все остальные звуки.

Лео снова посмотрел на царапины. Семь штрихов. Словно счет.

Словно напоминание.

Он не знал, вернулось ли к нему его шестое чувство, или это сознание сыграло с ним злую шутку. Но одно он понял точно: может быть, он и перестал их видеть, но, судя по всему, они никогда не переставали видеть **его**.

А это означало, что всё только начинается.

ГЛАВА 2. СТЕКЛЯННЫЙ ГОРОД

Мир, в котором жил Кай, дышал иначе.

Здесь не было шума машин или грохота трамваев. Вместо этого воздух был наполнен низким, тягучим гулом — будто сама земля пела на частоте, которую слышали только избранные. Кай слышал её всегда. Это был пульс мира, его дыхание, его скрытый ритм.

Кай стоял на крыше своего дома и смотрел на город, который простирался перед ним до самого горизонта. Но то, что видел Кай, не имело ничего общего с тем, что видели обычные люди.

Он видел **нить**.

Город был пронизан тысячами светящихся волокон, тонких, как паутина, но ярких, как расплавленное стекло. Они оплетали здания, струились по улицам, соединяли людей друг с другом невидимыми узами. Некоторые нити были золотыми и тёплыми — это тянулись друг к другу любящие сердца. Другие — серыми и рваными, они висели в воздухе, как оборванные струны, оставшиеся после ссор и утрат. Третьи, чёрные и пульсирующие, тянулись к темным фигурам, которые Кай предпочитал обходить стороной.

Ему было семнадцать. Ровно столько же, сколько и тому мальчику из другого мира, о котором Кай даже не подозре-

вал. Но в отличие от Лео, Кай никогда не терял своего дара. Он родился в этом мире — мире, где видение «изнанки» не считалось болезнью или выдумкой.

Здесь это было нормой.

— Кай! Ты опять на крыше? — раздался снизу голос матери. Она стояла у порога дома, запрокинув голову вверх. Её нить была ярко-золотой и тянулась к нему, как солнечный луч.

— Просто смотрю, — ответил Кай, спускаясь по металлической лестнице. — Сегодня что-то странное. Нить города дрожит.

Мать нахмурилась. Она была высокой, стройной женщиной с пронизательными глазами, которые, казалось, видели больше, чем могли выразить слова. Как и все жители этого мира, она тоже видела нити. Но она давно научилась не обращать на них внимания, потому что постоянное наблюдение за ними сводит с ума.

— Это просто ветер, — сказала она. — Нити всегда дрожат перед грозой.

— Дело не в ветре, — возразил Кай. Он посмотрел на свои руки. На его ладонях, едва заметно, пульсировали тонкие серебряные линии — следы его дара. Чем сильнее он концентрировался, тем ярче они становились. — Я чувствую... разрыв. Где-то там, — он махнул рукой в сторону горизонта. — Будто кто-то прорвал ткань.

Мать подошла ближе и положила руку ему на плечо. Её

прикосновение было тёплым, но Кай заметил, как дрогнула её нить. Она беспокоилась.

— Послушай, Кай. Ты уже не ребёнок. Ты знаешь, что наша способность — это не просто дар. Это ответственность. Мы видим то, что скрыто, но не всегда должны вмешиваться. Некоторые разрывы затягиваются сами.

— А если нет?

Мать промолчала. Она знала, что он прав. Иногда разрывы не затягивались. Иногда через них просачивалось нечто извне.

Мир Кая назывался **Стеклянный Город**. Это имя придумали древние, ещё до того, как люди научились видеть нити. Они называли его так потому, что всё в нём было прозрачным — не для глаз, а для чувств. Здесь нельзя было солгать, потому что ложь оставляла следы на нитях. Здесь нельзя было скрыть ненависть, потому что она окрашивала воздух вокруг человека в багровый цвет.

Но главное отличие этого мира от мира Лео было в том, что здесь Аморфные не были просто пассивными наблюдателями. Здесь они были **частью системы**.

Кай знал их под другим именем. Он называл их **Теньями-Хранителями**. Они не скользили по углам, не прятались в темноте. Они стояли на страже, соединяя нити между собой, как невидимые ткачи, следящие за тем, чтобы полотно реальности не распустилось.

В детстве Кай играл с ними. Он мог подойти к одной из

таких Теней и коснуться её. Она не была холодной, как думали обычные люди. Она была... *вечной*. Как будто прикасаясь к самому времени. Тени отвечали ему. Они переливались, меняли форму, шептали что-то на языке, который Кай понимал не умом, а сердцем.

Но сейчас, стоя на крыше, Кай заметил нечто тревожное.

Одна из Теней, самая большая, что висела над центром города, изменила цвет. Вместо привычного серебристо-голубого сияния она стала тусклой, серой, почти прозрачной.

— Нет, — прошептал Кай. — Так не бывает.

Он спрыгнул с последней ступеньки лестницы и побежал по улице. Мать крикнула что-то вслед, но он не слышал. Все его чувства были сосредоточены на Тени. Она таяла. Прямо на глазах.

Кай вбежал на центральную площадь. Обычно здесь было многолюдно: торговцы продавали светящиеся амулеты, дети бегали между нитями, смеясь и путая их, а старики сидели на скамейках, наблюдая за движением мира. Сейчас площадь была пуста.

Только Тень висела в центре, истончаясь с каждой секундой.

— Что ты делаешь? — крикнул Кай, подбегая к ней. Он протянул руки. Серебряные линии на его ладонях вспыхнули ярче, чем когда-либо. — Я вижу, ты умираешь!

Тень не ответила словами. Вместо этого Кай почувствовал *эхо*. Это было похоже на отголосок далёкого крика, про-

шедшего сквозь слои реальности. И в этом эхе он услышал образы: бетонные стены, мерцающие огни реклам, металлические коробки,двигающиеся по ровным полосам.

Другой мир.

Там, в том мире, тоже был кто-то. Кто-то, кто когда-то видел Теней, но теперь потерял их. Там, в том мире, один мальчик сидел в своей комнате и смотрел на царапины на стене.

— Лео, — выдохнул Кай, хотя никогда раньше не слышал этого имени. Оно пришло к нему вместе с эхом, вместе с вибрацией умирающей Тени. — Ты меня слышишь?

Тень дрогнула последний раз и рассыпалась тысячей серебряных искр, которые унесло ветром.

Кай упал на колени. Грудь сдавило. Он чувствовал пустоту на том месте, где только что была Тень. Будто из мира вырвали кусок мозаики, и теперь края этой пустоты кровоточили. Он провел ладонью по воздуху. Нити вокруг места гибели Тени порвались, свисали рваными концами.

— Ты перенёсся туда, — прошептал Кай. — Или тебя выдернули. Но ты там. И ты связан с ним.

Он поднялся на ноги. Его руки дрожали. Серебряные линии на ладонях пульсировали в такт сердцу, а в груди росло странное, тёплое чувство. Чувство, которое он не мог объяснить.

Он знал, что это не конец. Разрыв между мирами не затянется сам. Тот, другой мальчик, Лео, снова начал видеть

— пусть и слабо, пусть и только царапины на стене, но этот процесс уже запустился.

И теперь Кай чувствовал свою роль. Он был не просто наблюдателем. Он был связующим звеном.

Он повернулся и посмотрел на дом, в котором жил. Из окна его комнаты доносился слабый свет — мать зажгла лампу. Но Кай знал, что это не обычный свет. Это была нить, которая связывала его с этим миром. И она тоже дрожала, предупреждая о грядущем.

— Лео, — снова прошептал Кай, обращаясь к пустоте. — Ты не один. Я чувствую тебя. Я не знаю, как, но я помогу тебе вспомнить.

Ветер стих. Город замер. И в этой тишине Кай услышал ответ — далёкий, смазанный, как шёпот сквозь толщу воды.

Семь ударов.

Семь царапин.

Семь миров, разделённых тонкой гранью.

Кай улыбнулся. Впервые за долгие годы его улыбка была не спокойной, а тревожной, но полной решимости. Он не знал, что ждёт его впереди, но он знал одно: нити, которые он видел, никогда не рвутся просто так.

И если Тень пересекла грань, значит, пришло время двум мирам встретиться.

ГЛАВА 3. ТРЕЩИНА В СТЕКЛЕ

Следующая неделя превратилась для Лео в череду странных, неуловимых событий, которые невозможно было списать на случайность или усталость. Это началось с мелочей. Сначала он заметил, что его тень на стене в ванной двигается на долю секунды позже, чем он сам. Потом — что свет в коридоре, когда он проходит мимо, становится на полтона теплее, будто кто-то невидимый регулирует яркость ламп.

Но самое странное случилось в среду, на уроке физики.

Лео сидел на последней парте, лениво перерисовывая график колебаний маятника в тетрадь. Мистер Харрис, старый сутулый учитель с вечно запотевшими очками, бубнил про амплитуду и частоту, но слова пролетали мимо ушей Лео. Он смотрел на доску, исписанную меловыми формулами, как вдруг заметил, что линии графиков начинают дрожать.

Они не просто дрожали. Они *переливались*. Тонкая, едва заметная серебряная нить проходила сквозь них, как игла сквозь ткань. Лео моргнул. Нить исчезла. Он снова открыл глаза — и она появилась опять, но уже чуть левее, будто пыталась привлечь его внимание.

— Лео! — голос мистера Харриса вырвал его из транса.
— Ты с нами?

— Да, сэр, — ответил Лео, чувствуя, как уши заливают краска. Класс захихикал.

Но когда он снова посмотрел на доску, нити не было. Только обычные белые линии на зеленом фоне.

В тот вечер Лео не мог заснуть. Он лежал в темноте, глядя в потолок, и пытался понять, что с ним происходит. Царапины на стене за письменным столом он проверил уже раз сто. Семь штрихов. Ни больше ни меньше. Но они не исчезали. Они оставались там, как ожог на реальности, как след от чужого прикосновения.

Лео закрыл глаза и провалился в беспокойный сон.

Ему приснился город. Необычный город, сотканный из света. Здания переливались всеми оттенками радуги, улицы были покрыты мерцающей пылью, а в воздухе плавали тонкие нити, соединяющие всё вокруг. Он стоял посреди этого города, и его не покидало чувство, что он здесь чужой. Он был наблюдателем, пришельцем, заброшенным в мир, где всё дышало иначе.

— Ты меня слышишь? — раздался голос. Он не исходил ниоткуда и отовсюду одновременно. Голос был молодым, спокойным, но в нём чувствовалась тревога. — Я знаю, ты там.

Лео обернулся. В центре площади, прямо перед ним, стоял мальчик. Такой же, как он — лет семнадцати, с тёмными волосами и светлыми, почти прозрачными глазами. Но его руки светились. Серебряные линии пульсировали на ладонях, словно вены, наполненные жидким металлом.

— Кто ты? — спросил Лео, пытаясь сделать шаг вперёд,

но ноги словно приросли к месту.

— Меня зовут Кай, — ответил мальчик. — Ты меня не видишь по-настоящему. Это просто сон. Но я здесь. И я чувствую тебя так же, как ты чувствуешь меня.

— Что за бред? — Лео попытался рассмеяться, но смех застрял в горле. — Ты просто персонаж моего воображения.

Кай покачал головой. Его нити на руках вспыхнули ярче.

— Нет, Лео. Это не воображение. Ты потерял способность видеть, но она возвращается. Царапины на стене — это я. Я оставил их для тебя. Там, где твой мир соприкасается с моим, появляются трещины.

— Трещины? — Лео почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Да, — Кай поднял руку, и в воздухе между ними возникла тонкая серебряная линия, вибрирующая на высокой ноте. — Между нашими мирами есть разрыв. Ты чувствуешь его, даже если не понимаешь. Тот холодок, который пробегает по коже, когда ты смотришь в угол комнаты? Это они. Тени. Они всегда там, но теперь они хотят, чтобы ты их снова увидел.

Лео открыл рот, чтобы ответить, но сон начал распадаться. Края площади потемнели, здания поплыли, как размытые акварельные пятна. Кай начал отдаляться, его фигура становилась всё более прозрачной.

— Подожди! — крикнул Лео. — Как мне тебя найти?

— Я уже рядом, — донеслось эхо голоса Кая. — Просто

смотри. И не бойся.

Лео проснулся в холодном поту. Часы на тумбочке показывали 3:47. В комнате было темно, но он чувствовал, что он не один. Воздух вокруг него был плотным, почти осязаемым, как будто кто-то стоял прямо у его кровати и дышал ему в затылок.

Лео медленно повернул голову.

В углу комнаты, у самого потолка, висело **оно**. Аморфное создание. Впервые за восемь лет Лео видел его чётко, ясно, без всяких сомнений.

Оно было большим, размером с футбольный мяч, и переливалось всеми оттенками фиолетового. Оно не имело формы, постоянно менялось, как облако пара. Но в центре этого тумана Лео заметил слабый серебряный свет, который пульсировал в такт его собственному сердцу.

— Ты... ты настоящий, — прошептал Лео.

Создание не ответило, но оно качнулось в его сторону. Лео не испугался. Странно, но он почувствовал спокойствие, как будто встретил старого друга, которого не видел много лет.

Он медленно поднял руку, протягивая её к созданию. Его пальцы дрожали. Создание качнулось снова, на мгновение коснувшись его ладони.

Это было похоже на электрический разряд. Тёплый, мягкий, но пронизывающий всё тело. Лео почувствовал, как по его руке пробежали мурашки, а затем в голове вспыхнуло

видение.

Он увидел комнату, похожую на его собственную, но другую. Стены там были не бежевыми, а серебристыми, мерцающими. На столе стоял странный светильник, который горел без электричества — просто светился изнутри. А за столом сидел мальчик. Тот самый, из сна. Кай.

Он сидел, положив голову на руки, и смотрел в стену. Его глаза были закрыты, но Лео знал: он тоже чувствует его. Кай открыл глаза, и Лео встретился с ним взглядом через время, пространство, через ткань двух миров.

— Ты видишь, — произнёс Кай беззвучно, одними губами. — Я знал, что ты сможешь.

Видение исчезло. Лео отдернул руку, и Аморфное создание растворилось в воздухе, словно его никогда не было. Комната снова стала обычной. Тишина вернулась, и только шум вентиляции напоминал о том, что он ещё в своём мире.

Лео сидел на кровати, тяжело дыша. Его сердце колотилось как бешеное, но в груди росло странное чувство — не страх, а что-то другое. Облегчение? Надежда?

Он встал, подошёл к письменному столу и снова посмотрел на царапины. Семь штрихов. Теперь он знал, что это не случайность.

— Кай, — прошептал он в темноту. — Ты там?

Тишина. Но потом, совсем слабо, Лео услышал отклик. Это был не звук, а ощущение — тёплое покалывание в кончиках пальцев, как будто кто-то сжал его руку через невиди-

мую пропасть.

Он улыбнулся. Впервые за долгое время его улыбка была искренней.

Дар возвращался. Медленно, больно, пугающе — но возвращался. И вместе с ним возвращалось понимание, что он не один. Где-то там, по ту сторону реальности, живёт мальчик, который видит мир так же, как он когда-то. И они связаны.

Лео сел за стол, взял ручку и на чистом листе бумаги написал одно слово:

«КАЙ».

Он смотрел на это имя, и ему казалось, что буквы начинают светиться. Возможно, это была игра света. А возможно, он только что сделал первый шаг к чему-то невероятному.

Он не знал, что ждёт его впереди. Но он точно знал одно: он готов узнать.

ГЛАВА 4. НИТЬ НАТЯГИВАЕТСЯ

Кай не спал уже третьи сутки.

Он сидел за своим серебристым столом, уставившись в стену, и ждал. Серебряные линии на его ладонях горели ярче, чем когда-либо, и он чувствовал, как нити мира вибрируют вокруг него, как струны расстроенного инструмента. Каждый раз, когда он закрывал глаза, он видел его. Лео. Мальчика с другой стороны.

— Ты там, — шептал Кай в пустоту своей комнаты. — Я знаю, что ты там.

Его мать стояла в дверях, скрестив руки на груди, и с тревогой смотрела на сына. Она не вмешивалась — она знала, что некоторые вещи нельзя остановить. Но её нить, которая всегда тянулась к Каю золотой струной, сейчас была натянута до предела, готовая порваться от любого неосторожного движения.

— Кай, — тихо позвала она. — Ты должен поесть. Ты не ел со вчерашнего дня.

— Я не голоден, — ответил он, не оборачиваясь. — Мама, ты чувствуешь это? Разрыв становится больше.

Она подошла ближе и положила руку ему на плечо. Кай вздрогнул — её прикосновение было холодным, хотя обычно она всегда была тёплой.

— Я чувствую, — призналась она. — Нити вокруг города

истончаются. Люди начинают беспокоиться. Они не понимают почему, но они чувствуют пустоту. Там, где была Тень-Хранитель, теперь зияет дыра.

Кай наконец повернулся к ней. Его глаза, обычно спокойные и ясные, сейчас были красными от бессонницы, а под ними залегли тёмные круги. Но в них горел огонь — решимость, смешанная с отчаянием.

— Я видел его, — сказал Кай. — Этой ночью. Во сне. Он меня слышал. Он понял, что царапины — это я.

Мать нахмурилась.

— Царапины?

— Там, в его мире, — Кай встал и начал ходить по комнате, жестикулируя. — Он потерял дар восемь лет назад. Он думал, что сошёл с ума. Но я оставил ему следы на стене. Семь штрихов. Семь слоёв реальности. Я пытался пробиться к нему.

— Кай, это опасно, — голос матери стал твёрже. — Ты не знаешь, что находится между мирами. Ты не знаешь, что может пробраться через разрыв, если ты будешь его расширять.

— Я знаю, — ответил Кай, останавливаясь и глядя ей прямо в глаза. — Но там, по ту сторону, есть мальчик, который снова начинает видеть. Он — ключ. Если мы не соединимся, разрыв будет расти, и тогда в наш мир хлынет нечто... нечто, что мы не сможем остановить.

Мать побледнела. Она опустила глаза и долго молчала, перебирая пальцами край своей одежды. Наконец она подняла

голову, и в её взгляде Кай увидел что-то, чего никогда не видел раньше: страх.

— Ты знаешь, что случилось с твоим отцом? — спросила она тихо.

Кай замер. Отец. Это имя редко произносилось в их доме. Он умер, когда Каю было семь, и мать никогда не рассказывала подробностей. Только говорила, что он «ушёл за грань».

— Он пытался сделать то же, что и ты, — продолжила мать, и её голос дрогнул. — Он чувствовал разрыв. Он пытался соединить наш мир с другим. Но он не рассчитал. Разрыв стал слишком большим, и он... он просто исчез. Нити, которые связывали его с нами, порвались. Я не знаю, жив ли он сейчас или застрял между мирами навсегда.

Кай почувствовал, как холод пробежал по спине. Он никогда не знал этой правды. Мать скрывала её все эти годы, защищая его от боли.

— Почему ты не сказала мне раньше? — спросил он, и в его голосе прозвучала горечь.

— Потому что я боялась, что ты пойдёшь по его стопам, — ответила она. — И теперь я вижу, что мои страхи были оправданы.

Кай подошёл к ней и взял её руки в свои. Её нить дрожала, но он сжал её пальцы, стараясь передать ей свою уверенность.

— Мама, — сказал он мягко, но твёрдо. — Я не отец. Я не буду действовать вслепую. Я знаю, что делаю. Я чувствую

Лео так же ясно, как чувствую тебя. Между нами есть связь — она не искусственная. Она настоящая. Мы — отражения друг друга в разных мирах. Если я потеряю его, я потеряю и себя. Ты понимаешь?

Мать посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Потом её глаза наполнились слезами, но она улыбнулась — грустно, но с надеждой.

— Ты так похож на него, — прошептала она. — Таким же упрямым был и твой отец.

Она отпустила его руки, вытерла глаза и направилась к двери. У порога она остановилась и обернулась.

— Если ты решишь это сделать, — сказала она, — будь осторожен. И помни: нити никогда не рвутся без последствий.

Она вышла, оставив Кая одного в комнате. Он стоял посреди серебристого сияния, глядя на свои руки, и чувствовал, как линии на ладонях пульсируют в такт с его сердцем. Где-то там, по ту сторону, Лео тоже чувствовал его. Кай знал это. И он знал, что время уходит.

Он подошёл к окну и посмотрел на город. Ночной Стекланный Город был прекрасен — тысячи огней переливались в темноте, нити тянулись от дома к дому, создавая сложный узор, похожий на гигантскую паутину. Но Кай видел то, чего не видели другие: в центре этой паутины зияла чёрная дыра. Там, где упала Тень-Хранитель, теперь было пустое место, и оно медленно расширялось, поглощая нити вокруг себя.

— Я не допущу этого, — прошептал Кай. — Я найду способ.

Он закрыл глаза и сосредоточился на образе Лео. Он представлял его лицо, его комнату, его мир — серый, шумный, лишённый магии. Но там, в этом мире, в Лео начинала просыпаться искра. И Кай должен был помочь ей разгореться.

Он протянул руки вперёд, и серебряные линии на его ладонях вспыхнули ослепительным светом. Воздух перед ним начал искриться, как будто ткань реальности накалилась добела. Кай сосредоточился, направляя свою энергию в одну точку, в ту самую трещину, через которую он уже дважды касался Лео.

— Я здесь, — прошептал он, обращаясь к пустоте. — Я жду тебя. Открой глаза и смотри.

Внезапно комната вокруг него изменилась. На мгновение он перестал видеть серебряные стены своего дома и вместо них увидел бежевые обои, дешёвый светильник и письменный стол, заваленный учебниками. Комната Лео. Настоящая, живая, с запахом пыли и бумаги.

Кай замер. Он видел её настолько чётко, что мог различить каждую царапину на поверхности стола. А в центре комнаты, спиной к нему, стоял Лео. Он был в тёмной футболке и джинсах, и его плечи были напряжены. Он смотрел на стену, где виднелись семь тонких штрихов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.